

Арпентьева Мариям

Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского,
г. Калуга, Россия

Arpentieva Mariam

Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, Kaluga, Russia

УДК 398(476)

БЕЛОРУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАРОДА

BELARUS FOLKLORE IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE PEOPLE

В статье освещаются проблемы изучения исторической памяти в исследованиях фольклора, раскрываются основные аспекты и возможности исследования исторической памяти, сохранения и передачи культурных, в том числе нравственных, смыслов. Фольклор рассматривается как компонент повседневности, воспитания и передачи опыта, структурирования времени и налаживания отношений, компонент культуры, ее истории и будущего, отражающий концепции человека и мироздания. При его изучении нужна саморефлексия как понимание своего вклада в фольклор. Кроме того, важно изучение в сравнении: фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Историческая память – важная часть жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество способно не повторять ошибок и трагедий прошлого.

Ключевые слова: фольклор; историческая память; филология.

The article highlights problems in the study of historical memory in folklore studies, describes the main aspects and possibilities in the study of historical memory, preservation and transmission of cultural, including moral meanings. Folklore is considered as a component of everyday life, education and transfer of experience, the structuring of time and establishing relationships, a component of culture, its history and future, reflecting the concepts of man and the universe. When you study it, you need self-reflection as an understanding of your contribution to folklore. In addition, it is important to study in comparison: folklore and other texts and cultural artifacts. Historical memory is an important part of the life of a harmonious community: to the extent that it is not lost, the community is able not to repeat the mistakes and tragedies of the past.

Keywords: folklore; historical memory; philology.

Белорусский фольклор – богатейший источник исторических и культурных знаний, система исторической памяти белорусского народа. Он включает в себя почти все жанры устного народного творчества и жанры, связанные с этим творчеством: календарную и семейно-обрядовую поэзию, сказки, предания и легенды, пословицы и поговорки, загадки,

заговоры, народный театр в разных его видах, социально-бытовую лирику и анекдоты и т. д. Вместе с тем в белорусском фольклоре как таковом нет отдельных, которых не было бы у иных славян, произведений типа былины или думы, но есть свой, весьма разнообразный героический и исторический эпос, зафиксировавший все важнейшие моменты героического прошлого белорусов, их страдания и успехи. Фольклор белорусской культуры – основа творчества его поэтов и писателей: В. Дунина-Марцинкевича, Ф. Богусевича, Я. Лучины, А. Гуриновича, М. Богдановича, Я. Купалы, Я. Коласа. Неразрывная связь народного и авторского творчества отражает внимание народа к сохранению и передаче исторической памяти.

Историческая память – совокупность транслируемых из поколения в поколение исторических данных и мифов, осмысленных народом и его отдельными представителями и выраженных в фольклорных и иных произведениях и памятниках культуры рефлексий о событиях прошлого, особенно негативного опыта, угнетения, несправедливости в отношении народа. Иногда историческая память может быть рассмотрена как компонент коллективной (или социальной) или культурной памяти народа. Под него понимается совокупность основных представлений народа о своем прошлом, закреплённых в памятниках культуры, традициях, произведениях и иных продуктах деятельности народа, его представителей. Источники формирования исторической памяти многообразны – тексты и гипертексты, включающие огромное число нарративных источников, коммеморации (праздники, посвященные историческим событиям, дни памяти и т. п.).

Историческая память в современной науке есть область междисциплинарных исследований. Исследованиями исторической памяти занимаются историки, социологи, этнографы и философы. В течение «долгого XIX века» историческая память белорусов только начинала, благодаря фольклористам и другим исследователя культуры, истории белорусов, становиться предметом исследований. Однако, в целом, сама по себе историческая память белорусов весьма «цепка», народ бережно хранит и передает знания и умения из поколения в поколение, чем обеспечивает себе долгую и счастливую жизнь, выживание даже в самые трудные периоды и дружбу с другими народами.

Решением этих проблем занимается не так много ученых по всему миру. В Беларуси одним из известных исследователей был Н. Я. Никифоровский, работавший на стыке XIX–XX веков, сотрудничавший с П. В. Шейном и Е. Ф. Карским [1; 3; 4; 20] и другими известными фольклористами. Он занимался сбором самого разного этнографического материала, прежде всего его интересы касались духовной культуры белорусов, их мифов и поверий, ритуалов и сказаний [1; 3; 4; 9; 12]. Н. Я. Никифоровский полагал, что в современной фольклористике

нужно развивать идеи В. Я. Проппа [13–15], используя феноменологический подход к изучению народных (фольклорных) текстов (легенд и сказаний, причитаний и других фольклорных композиций), в том числе народных классических и современных утопий и антиутопий («преодоления рабства», выхода из кризисов и т. д.) [16–18]. Если сравнить работы В. Я. Проппа с работами Н. Я. Никифоровского и его коллег [10; 12; 20], можно увидеть те же попытки: описать состояние народа после отмены крепостничества, переживание народом значимых событий, представление о прошлом и будущем, ритуалы, направленные на гармонизацию отношений человека с пространством и временем его жизни [1; 8; 9; 12].

Н. Я. Никифоровский отметил важность понимания духовных и «псевдодуховных» («потусторонних») оснований жизнедеятельности человека, описывая «нечисть» как невидимых врагов человека, которые, в отличие от видимых (нашествия завоевателей, голод, эпидемии), окружают его от рождения и до смерти и являются более грозными, чем реальные [8; 9]. Он отмечал, что «нечисть» и иные потусторонние силы властвуют над умами людей, передаваясь из поколения в поколение как беспрекословное правило жизни, которому надо следовать безо всяких сомнений и оговорок или защищаться ритуалами и иными способами. В любом случае, важным моментом жизни человека становится внимание к «знакам», зафиксированным в исторической памяти людей как предвестники или сопровождающие события, угрожающие или желанные для человека, феномены [10–12].

Анализируя их и связанные с ними поверья, Н. Я. Никифоровский стремился осуществить их классификацию по категориям, отражающим современное ему представление о фольклорных жанрах, главным критерием выделения которых является «соответствие реальной действительности» [6; 11]. Так, приметы определяются им как «суеверное толкование и взгляд на действия и явления, существующие на самом деле», а поверья – как «превратное верование в действительные предметы, или же верования в предметы, действия и явления, созданные вымыслом» [11, с. 1]. Далее он предложил рассматривать «всю область суеверно-предрассудочных положений» «без различия между приметами и поверьями», хотя и, со ссылкой на В. И. Даля, ввел еще один критерий «достоверности»: «языческий характер текстов». Такие тексты, по его мнению, при их «освещении лучом христианства», верой в Бога оказываются «нелепыми, бессмысленными сказаниями» [11, с. 2].

Языческим текстам противостоят «напоминающие» или «на самом деле» являющиеся «поучительными примерами (притчами), которыми окольно, иносказательно слушатель поучается тому, чего нельзя было сказать ему прямо». Есть и «заведомо» иносказательные верования, которые «могут быть приравнены то к загадкам, то к пословицам и поговоркам». Он исследовал и сравнивал научную и ненаучную, непохо-

жую на фольклорно-собираТЕЛЬскую «народную терминологию»: «приемы и поверья», «суеверные обряды и обычаи», а также «легендарные сказания» «известны в народе под общим простонародным названием “бабских забобонов”», что отражает как скептическое отношение к суевериям, так и определенный страх перед ними и женщинами как носительницами исторической памяти в целом. В этом смысле интересна идея сравнить народную и научную фольклористику, различия ее взглядов на мир и предназначение фольклора: в первом случае фольклор есть компонент повседневности, воспитания и передачи опыта, структурирования времени и налаживания отношений, во втором – компонент культуры, ее истории и будущего, отражающий концепции человека и мироздания. Н. Я. Никифоровский также рассматривал прагматический аспект бытования текстов (выделяя «сказания», которые для своей выгоды могут быть использованы «проходимцами», а также «памятники верования», которым «кроме мошеннических мероприятий нет иного имени» [11, с. 2]. Другой рамочной конструкцией служил жизненный цикл человека, представленный исследованием «дителя “од спычатку” до конца “блазноцтвы”», молодежи обоего пола, брака, зрелости и болезней, старости и недомоганий, кончины человека. В сферу его интересов также входили будничная и святочная жизнь дома и вне его (повседневность и праздничность, начало и завершение жизни), явления природы и духа (в том числе «нечистого»), календарные, природные циклы, предвестники будущего и «исторические предания» [6; 11].

Как известно, в современной фольклористике фольклорные тексты рассматриваются как языковые структуры, функционирующие в народном быту, их изучение связано как с филологией, так и с этнографией и историей [14]. Опираясь на традицию В. Проппа, который заложил основу структурализма в фольклористике, он и другие ученые изучали и изучают структуры фольклора, отмечая, что именно в фольклоре структуры обнаруживаются наиболее явно: фольклор формализован, как вообще вся традиционная народная культура, больше, чем тексты философские или художественно-исторические. Фольклор одновременно пронизан символикой и «форматирован». По его мнению, одно из важных направлений исследования народных текстов связано с постмодернизмом и теорией культурного критицизма.

Постмодернизм отмечает, что ученые воспринимали фольклорный текст как «первичную структуру», существующую на уровне народной культуры, сознания народа. Однако сторонники литературного критицизма и постмодернистской ориентации полагают, что речь идет о совместном порождении: фольклор – это тексты, которые порождены одновременно и представителем народа-информатором, и тем профессионалом, который их записывает. Исследователь организует, редактирует, интерпретирует, а иногда и «досочиняет» что-либо, чтобы «уложить» в свою

«предконцепцию». Такого рода саморефлексия – понимание своего вклада в фольклор – очень важна: необходимость учета «возмущающего влияния наблюдателя» и импровизаций исполнителя-информатора сказывается уже в момент исполнения, особенно в «разговорных» жанрах типа «причитаний» и т. д., где контакт с исполнителем помогает «добиться» «естественного» текста: воздействие собирателя нужно учитывать изначально. Оно не обесценивает фольклор, как и другие этнографические данные.

Важно также изучение в сравнении: фольклора и иных текстов и культурных артефактов. Работы в этнографии структурализма связаны с возможностью и необходимостью учитывать «тринарность» структуры «опозиций» архетипических структур в этнических текстах: «симметрия бинарной опозиции предполагает некую ось, вокруг которой эти опозиции располагаются, поэтому это одновременно и тринарная структура», культурная «конструкция» опирается на конкретные историко-социальные факторы. Текстовая структура далеко не всегда объяснима из нее самой, сверхтекстовые и внетекстовые – обрядово-бытовые и идеологические – очень важны: структура держится извне [13]. Кроме того, не нужно объяснять каждый текст, но общие закономерности текстов. Культурализм, как и этнография в целом, – это культуроведческая наука. Роль подробностей высвечивается лишь на фоне общих закономерностей, в единстве. Важно подчеркнуть идеологическую, мировоззренческую составляющую исследований фольклора [10; 12], с которой связан его интерес к будущему человечества, его утопиям и антиутопиям, их проявлению в фольклоре разных этнических и социокультурных групп, ритуалам и деритуализациям.

Исследования фольклора показывают, что в процессе исследования исторической памяти необходимо опираться на представление о «тринарности» структур сознания, о важном месте общественных процессов в процессе (транс)формирования идеологий индивидов и групп, осмысления и переосмысления исторического опыта, сохранения и передачи исторической памяти, а также на представление об организующей роли исследователя как интерпретатора функционирующих в сообществе текстов. В процессе нарушенной культурной трансмиссии (нарушений исторической памяти) ценностный мир человека не успевает приспособиться к изменениям в социально-бытовой сфере [21]. Р. Райт назвал это «ловушками прогресса»: краткосрочное усовершенствование, которое в долгосрочном периоде превращается в регресс или культурный коллапс [2; 22].

В период коллапса происходит замещение фольклора «поп-артом», культуры – тривиализированным кичем, имитирующим и адаптирующим псевдонародные, чуждые культуре ценности к сознанию современных поколений. Кич служит преобразованию элитарной культуры в «массо-

вую», омассовление элитарности, становится синонимом «лжекультуры», симулякра культуры: массовой дешевой продукцией, поданной в упаковке элитарности. Важность настоящего, подлинного, – одна из тем исторического и современного фольклора, хорошо показана его исследователями [2; 7].

Фольклор наглядно показывает, что человеку нужно учиться быть человеком среди других людей, ибо это самое важное условие выживания и развития человека, его рода, его нации, человечества. Оно – основа стабильности, непрерывности, гармонии жизни. Историческая память – составляющая жизни гармоничного сообщества: в той мере, в какой она не утрачена, сообщество может не повторять ошибок и трагедий прошлого, понимать самого себя и мир точно и быстро, без лишних усилий, изменяться там, где изменение нужно, и оставаться непоколебимым там, где оно вредит. Это умение у белорусов есть. Если сравнить с ними русских и украинцев, то у последних, как кажется, историческая память стала полностью фиктивной, а значит, и не может быть никакой стабильности и гармонии. У россиян и, отдельно, русских есть благотворные попытки восстановления исторической памяти, однако их фольклорные и иные источники настолько нивелированы в значимости, что процесс не может быть легким и быстрым. Белорусская же культура пережила множество потрясений, достойно сохранив как основы жизни нравственность, «традиции предков», пусть порой и в усеченных формах. Это огромный ресурс нации и страны.

Исследование народной памяти, фольклора играет, помимо восстановления этого прошлого, прямую перспективистскую роль, функцию профилактики [6; 12]. В этой перспективистской роли и видится основная ценность исследований народной культуры, фольклора, быта и жизни в целом, в том числе работ Н. Я. Никифоровского и других белорусских фольклористов, филологов, культурологов и т. д. В его работах были предвосхищены многие более поздние попытки структурировать фольклор, в том числе его духовно-нравственное содержание, который выступает непосредственным участником процесса воспитания и культурной трансмиссии.

Список использованных источников

1. *Байбурин, А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
2. *Бодрийяр, Ж.* Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – Тула: Тул. полиграфист, 2013. – 204 с.
3. *Бондарчик, В. К.* Николай Яковлевич Никифоровский: очерк жизни и деятельности / В. К. Бондарчик, И. Г. Чигиринов. – Минск: Изд-во АН БССР, 1960. – 103 с.

4. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / рэд. С. В. Марцэлеў [і інш.]. – Мінск: БелСЭ ім. П. Бровкі, АН БССР, 1985. – 496 с.
5. Кун, Г. Возвращение из преисподней / Г. Кун // Историк и художник. – 2007. – № 2. – С. 161–176.
6. Кушкова, А. Предметно-тематический указатель к сборнику Н. Я. Никифоровского / А. Купкова // Антропологический форум. – 2009. – № 11. Online. – С. 1–47.
7. Недорога, В. А. Перспективизм / В. А. Недорога // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Стёпина. – М.: Мысль, 2001. – Т. 3.
8. Никифоровский, Н. Я. «Нечистики», свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. – Вильна: Н. Мац и К°, 1907. – 106 с.
9. Никифоровский, Н. Я. Нечистики / Н. Я. Никифоровский // Призраки / сост. Ю. Медведев. – М.: Рус. кн., 1997. – Т. 8. – С. 387–456.
10. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии / Н. Я. Никифоровский. – М.: Книга по Требованию, 2011. – 466 с.
11. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. – Витебск: Губер. Типо-Литография, 1897. – 344 с.
12. Никифоровский, Н. Я. Странички из недавней старины города Витебска / Н. Я. Никифоровский. – Минск: Польша, 1995. – 149 с.
13. Протт, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Протт. – Л.: ЛГУ, 1986. – 364 с.
14. Протт, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Протт. – М.: Лабиринт, 2006. – 624 с.
15. Протт, В. Я. Фольклор и действительность / В. Я. Протт. – М.: Наука, 1989. – 233 с.
16. Преодоление рабства. Фольклор и язык «остарбайтеров» 1942–1944 / К. В. Чистов [и др.]. – М.: Звенья: Мемориал, 1998. – 196 с.
17. Чистов, К. В. Русская народная утопия / К. В. Чистов. – СПб.: Наука, 2003. – 320 с.
18. Чистов, К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XVIII вв. / К. В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 341 с.
19. Чистов, К. В. Фольклор. Текст. Традиция / К. В. Чистов. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.
20. Шейн, П. В. Крепостное право в народных песнях / П. В. Шейн // Русская старина, 1886. – Т. 49, № 2. – С. 483–492; № 3. – С. 667–678.
21. Ogburn, W. F. Social change with respect to culture and original nature / W. F. Ogburn. – Oxford: Delta, 1966. – 210 p.
22. Wright, R. A. Short History of Progress / R. A. Wright. – N.-Y.: Carroll & Graf, 2004. – 320 p.

(Дата поступления: 22.09.2017)